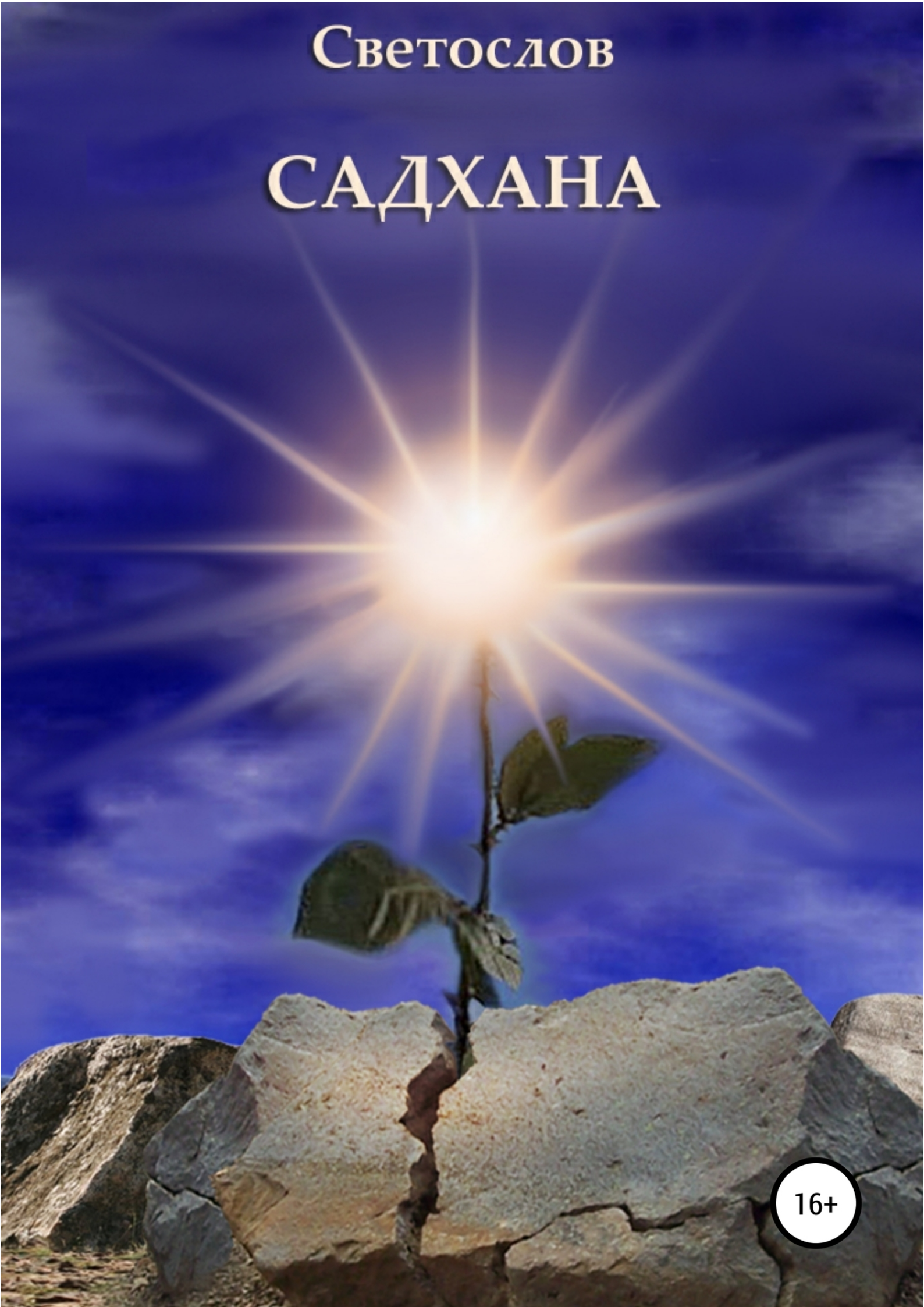

Светослов САДХАНА

16+

Игорь Платонов (Светослов)

Садхана

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Платонов (Светослов) И. А.

Садхана / И. А. Платонов (Светослов) — «ЛитРес: Самиздат»,
2013

Экстрасенс Сергей Самородов является спасительным маяком для людей, утопающих в бездне оголтело вульгарного, прагматичного мира с его маниакально торгашеским прессом и битвой за выживание; он дарит людям то, чего им не хватает в жизни, тем самым подвигая и себя к новым ступеням осознания. И в основе всего этого – его предыдущее воплощение в Древней Индии, где он проходил посвящение у своего учителя – Оджаса, а ныне – воплощённой женщины Александры. И теперь она, стирая путы сансары и времени, находит своего бывшего ученика, чтобы спасти его и уберечь мир от вторжения инопланетной цивилизации.

© Платонов (Светослов) И. А., 2013

© ЛитРес: Самиздат, 2013

Экстрасенс, «трансгенератор» по призванию Сергей Самородов является спасительным маяком для людей, утопающих в бездне оголтело вульгарного и прагматичного мира с его маниакально торгашеским прессом и битвой за выживание; он дарит людям то, чего им не хватает в обыденной жизни, тем самым подвигая и себя к новым ступеням осознания. Всепроникающий поиск Истины подвергает Сергея Самородова тяжелейшим испытаниям, оставляя его верным самому себе. С непошибаемой силой смирения он внимает урокам судьбы, принимая на себя шквал бед и проблем, и в основе всего этого – его предыдущее воплощение в Древней Индии, где он, будучи тогда ещё странствующим богомазом Самадхи, проходил посвящение у своего Учителя – Оджаса, а ныне – воплощённой женщины – Александры. И она, эта светоносная женщина, стирая пути сансары и времени, находит своего бывшего ученика, чтобы спасти его и уберечь мир от хитроумного вторжения инопланетной цивилизации... Она, Александра, является носителем истинной любви, для которой не существует препятствий, любви, чья суть – всепрощение; и это звучит доминантой в развязавшейся драме... Образ Александры пленит и будоражит Сергея, заставляя двигаться дальше и выше. В результате сложнейших перипетий и экстремальнейших ситуаций Сергей Самородов теряет всё: семью, статус, работу, престиж, но обретает спасение и любовь, постигая тем самым бессмертную душу. Сметая все стереотипы человеческих взаимоотношений, догмы и постулаты, Сергей и Александра становятся Единством – той силой творения, которая остаётся главной в жизни.

...Жара тяжелела, в духоте крепла жажда... И дыхание жизни воспарило к пику светящейся пирамиды, где чётко обозначился контур человека. Пространство всколыхнул мелодичный колокольный звон, подхваченный дивной свирелью, и волна света предвосхитила феерию, раскатив монументально-возвышенную музыку. И в этом гимне любви всё преобразилось. Сверху в контур человека вошёл ярко-синий светящийся луч, оживив его плавным сиянием. Силуэт вдруг весь засветился, озарив пирамиду, и через несколько мгновений она оказалась ослепительной горной вершиной. Всё приняло естественные очертания. На вершине горы стоял человек в белой одежде... Где-то высоко плыл чистый колокольный звон, волнуясь в протяжном дыхании ветра... Простор окропило арпеджио лютни, и поднялся светлый туман, в котором плавно всё растворилось...

Сидевший в кресле человек открыл глаза и некоторое время смотрел прямо перед собой, как бы осознавая увиденное. Напротив него стоял, чуть улыбаясь, молодой мужчина, – его трансгенератор, экстрасенс по призванию, – Сергей Борисович Самородов, человек лет сорока пяти с сильным взглядом и крепким телосложением. Он вырубил подсветку, состоящую из семи цветных фильтров, пущенных по периметру кабинета – под потолком, и отдохновенно опустил в своё кресло.

Пациент одухотворённо посмотрел на целителя и восхищённо заговорил:

– У меня такое ощущение, что я обрёл крылья... Это непостижимо... Да, ваш метод уникален.

– Ничего удивительного. Всё – в человеке, – слегка отрешённо ответил экстрасенс. Он пристально посмотрел на пациента и продолжил:

– Теперь у Вас все шансы освободиться от пут и «привязок» бытового значения. Следуйте своему внутреннему голосу, – интуиции. Я дал Вам символ, который вскрыл Вашу силу. Она будет держать Вас в потоке, поскольку, всё, что Вы видели в состоянии транса, является частью Вашего Высшего «Я».

– Спасибо Вам огромное. Я чувствую в себе такую лёгкость и радость, что и не знаю, как это всё выразить... Дай Бог Вам всего! – возбужденно произнёс ошеломлённый пациент.

Он встал, с восхищением глядя на целителя. Тот протянул ему руку со словами:

– Храни Вас Бог.

Обменявшись рукопожатием, они расстались.

Экстрасенс, оставшись один, с удовлетворением произнёс:

– Приятно работать с умными людьми.

Тут в кабинет вошла девушка – ассистентка. Она мягко произнесла:

– Сергей Борисович, у нас ещё один пациент. Он уже был две недели назад...

– А... Хорошо, Леночка. Пусть проходит, – слегка растерянно произнёс Самородов. Он быстро сконцентрировался, стряхнув с себя задумчивость, и вошёл в рабочее состояние. Окинув взором кабинет, экстрасенс включил подсветку. Самое интересное в ней было то, что семь световых лучей, – семь цветов радуги, били сверху из разных концов и пересекались в центре, образуя ослепительно светлую сферу прямо над креслом, где сидел пациент.

В дверь постучались.

– Да–да; входите, – сказал целитель, подбирая необходимый музыкальный фон. Он остановился на сердцебиении, охваченном щебетом птиц в шелесте сада и плеске ручья.

В кабинет вошёл худощавый мужчина зрелого возраста в рубашке с галстуком и отутюженных брюках. В его взгляде сквозила тревожная суетность, отяжелённая какой-то роковой напряжённостью, что выдавало в нём некоторую однобокость и ортодоксальность мировосприятия.

– Здравствуйте, Сергей Борисович, – взволнованно вымолвил вошедший мужчина.

– Здравствуйте, Пётр Афанасьевич. Присаживайтесь, – ответил Самородов, указав на кресло. Он дал знак ассистентке. Она зажгла ладан в небольшой ладанке и стала плавно окуривать ладаном кабинет.

«Такая жара, а он в галстук», – подумал Самородов, – ставя стул напротив пациента.

Ассистентка закончила процедуру по очищению тонких энергий и осторожно вышла из кабинета, мягко прикрыв за собой дверь.

– Ну, что у Вас, выкладывайте, – спокойно сказал целитель, садясь на стул.

Пётр Афанасьевич начал сбивчиво и озабоченно излагать:

– Да вот... Всё те же проблемы. Жена болеет, я не сплю, на работу не берут... И вообще, – состояние у меня... как бы сказать... нехорошее, тяжело на душе...

Пациент тяжело вздохнул и с надеждой посмотрел на целителя.

Тот пристальным взглядом изучил его душу, затем прикрыл веки и через пару секунд посмотрел куда-то вправо от пациента.

– Я вижу, Вы не работаете над собой. На Вас – оковы... И их надо снимать.

– А как же их снять? – сокрушённо выговорил пациент.

– Работая над собой, – ответил Самородов. – Я Вам в прошлый раз говорил об этом. Поймите, что семья, дом, работа, – это всё вторично, поскольку имеет причину. А первично – это то, что Вам дано от Бога – Ваша душа; и её надо чистить. И не посредством иллюзий, а упорной работой. Будет здорова душа – будет здорово и тело; и жена поправится, и работа найдётся. Никакие методики и системы Вам не помогут, если Вы не посмотрите на мир иначе...

– А как же иначе-то?... – растерялся пациент.

– На мир надо смотреть с любовью и милостью в сердце. И никаких претензий ни к кому. Ваша судьба слишком сурова, и её нужно принять, чтобы выжить. Помните, что, обижаясь на кого-то, Вы часть обиды посылаете Богу, а это недопустимо. Я достаточно ясно излагаю суть вещей?

– Да. Конечно. Хотя, мне сложновато сразу так... Кругом проблемы...

– Забудьте о них. Они не стоят того, чтобы мучиться. Сейчас мы с Вами проведём небольшой сеанс, и Вы сами всё увидите.

– Да, да, – оживлённо кивнул Пётр Афанасьевич.

Самородов встал, включил подсветку, чуть прибавил музыкальный фон и сел на стул – напротив бедолаги с проблемами.

– Я уже чувствую некоторое облегчение, – пролепетал пациент.

Самородов открыто посмотрел на него и произнёс:

– Сейчас Вы закроете глаза и на некоторое время отключитесь от этого мира с его проблемами. Итак, начинаем сеанс. Расслабьтесь...

Пациент закрыл глаза и обмяк в кресле, умиротворённый дивной музыкой, скорее являвшейся филигранной композицией живых звуков природы с доминирующим биением сердца, дарующим миру пульсацию вечности... Во всём этом была радость, не нуждавшаяся ни в чём, чарующе светлая радость жизни...

И вдруг всё резко изменилось. Он – пациент, увидел себя плавающим под водой, и вода эта была мутной и какой-то бесконечной, беспросветной и застоявшейся. Но самое ужасное заключалось в том, что сам он – Петр Афанасьевич, был рыбой – рыбой, метавшейся по этому заколдованному водному пространству, лишённому всякой перспективы и надежды на что-то живое... Но через некоторое время, после безутешных метаний сверху начало что-то светиться, это напоминало солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь толщу воды в глубину. Рыба метнулась вверх, но, чего-то испугавшись, вновь осела во мрак и муть; затем метнулась в сторону, как бы собираясь с силами и, наконец, резко пошла вверх – к свету... Рыба вынырнула на поверхность воды, и волна выбросила её на отлогий пустынный берег. И тут же рыба превратилась в человека, – в Петра Афанасьевича... Он сел на песке, весь мокрый, и, опёршись руками о колени, стал созерцать поверхность воды, затем взгляд его направился выше... В этой пустынной отрешённости назревала неутолимая жажда жизни; и плеск волн пробудил тихий дух к осознанию реальности своего существования и причастности ко всему, что его окружает. В этом была надежда на нечто большее, – неотвратимо счастливое, светящее и дышащее извне, и одновременно бьющее из груди... Биение сердца усилилось... и неведомый поток чувств вернул пациента в реальный мир.

Пётр Афанасьевич открыл глаза и ошарашенно произнёс:

– Вот это да... Чудеса...

Самородов обдал его ясным взглядом и заключил:

– Вам необходимо обсохнуть от ложных идей и навязчивых догм, а затем принять в себя Истину.

– Но... – хотел было что-то сказать пациент.

– Истина – в том, что приносит плоды и дарует нам жизнь. Мы рождены от Любви и должны вернуться к ней, – неотразимо изрёк Самородов.

– Да. Я всё понял. Я буду работать...

– Ну вот и славно. На сегодня пока всё. Вы можете отдыхать и не обременять себя оковами сплина. Думайте о главном.

– Спасибо Вам огромное... А когда можно в следующий раз к Вам прийти? – заискивающе спросил Пётр Афанасьевич.

– Ну, зайдите недельки через две.

– Будьте любезны, а через недельку можно?

– Нет. У меня сейчас много приёмов. Через две недели в это же время придёте – посмотрим, каков результат. Всё, Вы свободны.

Самородов встал. Тут же поднялся и Пётр Афанасьевич, он возбуждённо произнёс:

– Ещё раз Вам спасибо! Я себя чувствую гораздо лучше. До свидания.

Пациент ушёл.

Самородов облегчённо вздохнул, выключил подсветку, остановил музыку и уселся в кресло. Он удовлетворённо окинул взглядом салон, являвшийся для него отдушиной и центром жизни; это было его детище – Духовно-оздоровительный центр «Белладонна», и он его возглавлял и являлся главной фигурой в этом скрещении судеб. Именно он – Сергей Самородов – создал свою уникальную систему взглядов и чувств, пробивающих завесу этого бес-

печно-грозного и огрубевшего мира и дающих осознание свободы и высшей реальности с её многогранным спектром новых возможностей. Хотя, слово система здесь не совсем подходит. Скорее, это был видеослуховой метод тонкого уровня, погружавший человека в транс интроспекции, где всё становилось ясно. Сам Центр «Белладонна» располагался в отреставрированном небольшом двухэтажном здании, больше напоминавшем скромный уездный особняк Серебряного века, и занимал он первый этаж, а второй этаж ждал ремонта и был до времени опечатан. Там планировалось запустить отдельное издательство.

Но не стоит омрачать наше повествование сухим и скучным официозом, поэтому далее будем звать Сергея Борисовича Самородова просто Сергеем, а его Центр с оргтехникой и охраной – «Салоном тайн». Да, «Салон тайн» дышал жадой, духота нагнеталась, и Сергей включил кондиционер.

Тем временем в комнате секретаря зазвонил телефон. Ассистентка взяла трубку:

– Алё. Духовно-оздоровительный Центр «Белладонна». Слушаю Вас...

– Здравствуйте. Скажите, Сергей Самородов сегодня принимает? – вежливо спросил приятный женский голос.

– Да. Но на сегодня уже приём закончен. У нас рабочий день регламентирован.

– Хорошо, спасибо. Всего доброго, – прозвучал голос в трубке.

– До свидания.

Ассистентка положила трубку. Она встала и пошла в кабинет экстрасенса. Сергей, казалось, ожидал этого, – он шёл ей навстречу. Она остановилась перед ним и спросила:

– Сергей Борисович, у нас всё на сегодня?

– Да, всё. Слава Богу, – ответил Сергей. – Теперь можно и чаю попить.

Они прошли в комнату отдыха. Сергей удовлетворённо сел на диван, а его очаровательная и кроткая ассистентка принялась заваривать чай. В её движениях чувствовалась ловкость и лёгкость. Вообще, она была подвижна и грациозна, что исходило, скорее, из чуткости её мироощущения. На вид ей было не больше двадцати. Это была обаятельная девушка с глазами, полными мудрости, не свойственной данному возрасту, но уравновешиваемой певучим голосом и по-детски открытой улыбкой. Она была пластична и внешне, и внутренне. Что касается Сергея Самородова, то это был ярко выраженный индивидуум с железной волей и гибкой натурой, дающей свободу магическим струнам души, что являлось своего рода универсальным ключом к постижению мира. В этом заключался смысл жизни Сергея Самородова, это было его искусство, его мистический праздник души и самоотверженный труд без претензий и жалоб. Самородов знал себе цену, он прошёл хорошую школу жизни и практически был готов ко всему. Его ясный глубокий взгляд, полный силы и веры, дарил душам надежду и радость свободы – той внутренней, ограждённой от измен и соблазнов, а потому – истинной. Самородов был экстрасенсом с мироощущением художника, он был мастером своего дела и знал, за что получал деньги. Он давно отошёл от обычного бизнеса с его меркантильно-банальными целями. То была просто временная необходимость. И вот уже на протяжении почти десяти лет он являлся генератором идей «Белладонны».

Сергей задумчиво смотрел на свою ассистентку Леночку, которая сервировала стол. В ней была радость. Комнату наполнил аромат цейлонского чая... Сергей закурил; ассистентка, улыбнувшись, поставила рядом с ним пепельницу цвета слоновой кости. Он выпустил дым и иронично заметил:

– Вот, – единственная дурная привычка осталась – дым... Никак отвыкнуть не могу.

– Ничего, всему – своё время, – улыбнулась Леночка. Она разлила по чашкам свежезаваренный чай и присела на стул рядом с Самородовым. В «салоне тайн» наступило затишье...

Сергей докурил, погасил сигарету и оживлённо произнёс:

– А вот и трапеза с живительным напитком.

– Да, всё готово, – с улыбкой произнесла ассистентка.

На столе рядом с чашками, полными дымящегося чая, стояли тарелки, в которых лоснилась нежнейшая сёмга на хлебе с маслом.

– Ну, всё, рабочий день закончен, – заключил Сергей и принялся пить чай. Он попробовал бутерброд и нашёл его весьма вкусным:

– Великолепная закуска!

Леночка тоже приступила к чаепитию.

Попив чаю и съев объёмный бутерброд с сёмгой, Сергей встал и достал из холодильника тоник.

– Душиновато что-то, – выдохнул он, расстёгивая ворот стильной рубахи с коротким рукавом. – Да, горячий август...

Он открыл тоник, наполнил бокал шипучим напитком и тут же отхлебнул залпом полбокала, утолив жажду.

Ассистентка включила вентилятор, и комнату приятно обдал прохладный поток воздуха.

– О, хорошо, – отметил Сергей и наполнил тоником другой бокал – Леночке.

– Завтра у нас выходной, – продолжил он. – А в понедельник у нас что?

– Десять человек на сеансы, из них – два повторных приёма, – тут же отчеканила ассистентка, беря бокал с тонизирующим напитком.

– Ну ладно. Поработаем, – задумчиво произнёс Самородов, садясь на диван. Он расслабился под прохладной волной вентилятора и философски продолжил:

– Да, Леночка, время – вещь необратимая, оно вращает нас, оставаясь самим собой, а мы меняемся, жизнь летит... Вот уже и август, – почти два года уже, как мы с тобой вместе работаем.

Леночка смотрела на него своими светлыми серьёзными глазами и вдруг спросила:

– Сергей Борисович, а почему Вы именно меня взяли на должность Вашего ассистента? Ведь кругом столько профессионалов, ищущих работу, и женщины – секретари со стажем, и люди, сведущие в духовном.

– Понимаешь, Леночка, – вздохнул Самородов. – Тебя не коснулась вульгаризация. Твоё сознание не успел деформировать этот чудовищный, маниакально торгашеский пресс нашего мира. Ты – чистая... И я думаю, что выбор я сделал правильно. Всё что ни делается – имеет свои предпосылки, и отчасти в этом – воля Провидения.

Сергей внимательно посмотрел на девушку; та смущенно пролепетала:

– Я даже как-то не ожидала... Хотя, подсознательно я ощущала в этом некоторую закономерность... Сергей Борисович, а как Вы стали экстрасенсом? Наверное, я любопытная, да?

Она сконфуженно опустила глаза, затем вновь обратила свой взгляд на Сергея. Он улыбнулся, глядя на свою прекрасную ассистентку, и вздохнул.

– О, это целая история... – протяжно произнёс Сергей. – С чего всё началось... Это страшная история.

Девушка округлила глаза в удивлении. Самородов загадочно продолжил:

– Но если тебе интересно, то я поведаю нечто, сокрытое за семью печатями...

– Я буду молчать, – молитвенно вымолвила Леночка, и Самородов восхитился её интуицией и владением ситуацией.

Экстрасенс вздохнул, собираясь с мыслями, и принялся излагать:

– Тогда слушай. Я поведаю тебе о своём чудовищном опыте, перевернувшем всю мою жизнь, – к счастью!.. Давно, – лет этак восемнадцать назад, когда я ещё был свеж, молод и дерзок, я пытался самоутвердиться в жизни, я хотел стать личностью – притом неординарной, быть может, даже знаменитой личностью; во всяком случае, я хотел стать человеком, от которого бы многое зависело. Я мечтал стать мастером своего дела. Но... Но вся беда заключалась в том, что я не мог найти себя! Именно найти, иначе не скажешь. Ведь любой человек, знающий жизнь, желает быть мастером своего дела – своего внутреннего "Я", заниматься любимой

работой и иметь статус. Так вот, – я искал себя, искал и не находил. Мои близкие стали считать меня неудачником. Чего я только не предпринимал! И моделировал интерьеры, и пробовал себя в режиссуре, и работал в прессе, и изучал языки, даже пробовал петь... Но ничего стоящего из этого не выходило. Я менял специальности и направления, но тщетно. И, наконец, жена сказала, что, если я не устроюсь на постоянную работу, приносящую твёрдый заработок, то она со мной расстанется. Но монотонная работа на заводе меня не устраивала, – мне был нужен полёт. И я не мог его обрести... В какой-то момент я отчаялся и понял одно: я упустил своё время. Нужно было искать себя раньше – когда я ещё был юн и свободен от семейных уз, когда ещё вся жизнь виделась многогранной и полной. И тогда у меня произошёл сильный конфликт с женой, после чего она с маленьким сыном ушла от меня. Она решила жить у своей матери. А я остался один. И вот тут-то и произошёл тот трагический срыв в бездну безумного самоотречения и вместе с тем чудовищного самопознания, а именно – я решил уйти из жизни...

– Что?.. – растерялась Леночка.

– Да, да, – продолжал Самородов, – я решился на самоубийство. Моё решение было твёрдым, я находился совершенно один в полном осознании своей ненужности никому и ничему; причём, я был совершенно трезвый. Я подготовил подходящую верёвку, закрепил её на перекладине под потолком и сделал аккуратную петлю. Тут я всё-таки достал из холодильника бутылку водки и быстро хлопнул стакан – для храбрости... В общем, я встал на табуретку, обуздал шею петлёй и вышиб из-под себя опору... И тут произошёл вылет... О, я никому не советую идти на самоубийство, что бы ни случилось! Так вот, – как только я повесился, я, – точнее, моя внутренняя сущность, моя душа погрузилась в кошмарный мрак безысходности. Это была бесконечная и беспросветная тёмная сфера с пространством, напоминавшим какую-то отвратительно вязкую, жуткую чёрную дымку без всяких признаков какой-либо жизни, однако в глубине её что-то шевелилось... Но самое интересное, что при всём этом отрыве я чётко ощущал где-то рядом своё тело, висевшее на верёвке. Это была невыносимая привязка, и обрубить её я не мог. Свобода моего движения была ограничена в радиусе примерно двух шагов, и дальше двинуться я был не в силах, хотя у меня не было ни ног, ни рук в привычном понимании, но я их ясно ощущал. Я смотрел по сторонам, пытаюсь хоть что-то увидеть в этой зловещей мгле, но тщетно. Кругом был вязкий кошмарный мрак. Я пытался вырваться из всего этого, но всякий рывок мягко отпружинивал меня, возвращая на своё роковое место. И тут, как ни парадоксально, меня вдруг пронзила невероятная тоска по жизни, той, – настоящей, с её шелестом трав, запахом цветов, щебетом птиц, журчаньем ручьёв, игривым ветром и синим сияющим небом. Меня охватила жгучая, неутолимая любовь к жизни, из которой я так глупо ушёл. Но обратно возврата не было. Я находился в смертельной ловушке. Кругом тягуче расплзалось бездушное мрачное месиво... Вдруг, в глубине мрака, я увидел какие-то блики, это отдалённо напоминало очень бледные блуждающие огоньки, подобные тусклым фонарям, они, как бы скользя, приближались ко мне, наполняя мою сущность тревожным трепетом неведомых ощущений, но сила любопытства брала верх над страхом, – в ней была частичка спасения... Блики приблизились, и я с ужасом понял, что это бледные призраки людей, – видимо, тоже самовольно ушедших из жизни... Но они имели свободу движения, – видимо, они уже получили некоторую отвязку. Они как бы изучали меня и, не проявляя ни малейшего интереса к моей персоне, плавно исчезали. Это убийственное равнодушие пробуждало во мне шок, и в этом жутком гротеске я вдруг с ужасом обнаружил, скорее – почувствовал, как из меня с разных сторон вытекает моё содержимое, моя сущность, как будто некие присоски вытягивали из меня энергию. Но, как ни странно, я вдруг почувствовал в себе силу, она проявилась за счёт этих оттяжек... И тут всё во мне вспыхнуло, я как будто взорвался, и в этом экстазе на мгновение я увидел ослепительный свет со всех сторон. Тут же невыносимая сила рванула меня вверх, и ужасная боль пронзила сознание, вернув меня в реальный мир. Я лежал на полу с петлёй на шее, а надо мной болталась оборванная верёвка... Придя в себя, я снял с шеи ослабленную

петлю, оставившую лилово-синюшный след, отхрипелся, обрёл потихоньку ровное дыхание и тщательно замёл следы преступления, – спалил роковую верёвку, завязал горло и долго обдумывал происшедшее со мной. Ясно было одно: Свыше мне не дали погибнуть, я не должен был умереть. Тут мне на ум пришла одна существенная деталь в моей неудавшейся попытке суицида: я забыл намылить верёвку, я просто не подумал тогда об этом. И, быть может, это как-то спасло меня от более тяжкого исхода... Спустя некоторое время я с новой силой вдохнул этой жизни, я обрёл второе дыхание. И вдруг я ощутил в себе некоторые способности, ранее мне неведомые, – я стал проникать в суть вещей, я стал чувствовать энергетику людей, их мысли; я определял, не глядя на предмет, какой он структуры, – из чего сделан, я отделял дерево от металла, стекло от камня, – просто ладонью на дистанции. Я ликовал! Я стал другим, – я как бы заново родился. Я начал исследовать тонкие структуры живых существ, получая информацию об их жизненной силе и центральной энергии. Я погрузился в духовную литературу... Я стал познавать мир изнутри. Я понял, для чего я рождён... Так я стал экстрасенсом, Леночка; хотя мне больше нравится слово целитель, или, выражаясь более точно в моём направлении – трансгенератор. Но я никому не желаю учиться этому на моём страшном опыте. Боже упаси... Оттуда возврата нет, и я – лишь счастливое исключение...

Сергей сделал паузу, облегчённо вздохнул и закурил. Леночка всё это время слушала его, затаив дыхание, ловя каждую фразу. Она тихо произнесла:

– Да, жуткий опыт у Вас получился... Хотя, слово опыт здесь как-то не вяжется...

– Да. Это была экстремальная веха в моём самопостижении, круто изменившая мою судьбу, – продолжил Сергей. – Со временем я понял, что это была за сфера, точнее – слой иной реальности, в котором я побывал, на время покончив с собой. Это особый нематериальный слой суицида, питающийся человеческими депрессиями и существующий за счёт них. На религиозном языке это означает уныние; потому и считается оно тяжким грехом, – это пристанище для самоубийц. Вот почему самоубийц не отпевают, – человек попадает в ловушку на время – некого отпевать! У Бога всё взвешено. Провидением каждому отмерен свой жизненный срок, и прерывать его недопустимо. Судьба преподносит урок, – примем его и будем жить дальше.

Сергей улыбнулся, открыто глядя на Леночку, и заключил:

– Жизнь стоит того, чтобы радоваться.

– Это несомненно, – трепетно ответила Леночка и тут же осторожно спросила:

– А Ваша жена знает обо всём, случившемся с Вами в то время?

– Нет. Ты – первая, кому я поведал об этом. Моя жена слишком реально смотрит на вещи, и, если б она узнала о моей попытке самоубийства, то наверняка сочла бы меня за патологически неуравновешенного типа. Поэтому я молчал. Когда мои дела наладились, – она с сыном вернулась ко мне. Я уже был спокоен и твёрд. Я знал, для чего я живу, я понял своё предназначение. Я обрёл веру в себя, и самое главное – обрёл в себе Бога. Я твёрдо решил открыть своё дело и работать в духовном направлении. Но, поскольку, изначально всё упиралось в деньги, то пришлось на первых порах заняться предпринимательством... Ну а сейчас – слава Богу, – всё на местах, – только работай. Жизнь идёт. Сын уже взрослый, университет заканчивает...

Сергей задумчиво докурил и погасил сигарету.

– Ваш салон действительно оправдывает своё предназначение, – искренне заметила Леночка.

– Наш салон, – улыбнувшись, поправил Сергей.

– Да, наверное, – слегка смутившись, продолжила девушка. – Вообще, Ваш метод уникален, это искусство...

– Да... Вот, только, ещё бы проникнуть в глубинную память... Не спонтанно, а осознанно, – структурно всё учитывая. Тогда – вся сансара на виду... Карма – это сложно... Видимо, всему – своё время.

Самородов глянул на часы и удивлённо произнес:

– О-о... Как мы засиделись.

– Да. Надо собираться, – ответила ассистентка.

– Ну ладно, завтра – выходной, – отметил Самородов.

Они встали. Леночка принялась убирать со стола, а Сергей, выходя, произнёс:

– Пойду всё выключу и закрою кабинет.

– Хорошо.

Он прошёл в свой кабинет-салон приёма, осмотрел всё, выключил кондиционер и собрался было уже уходить... В это время в коридоре раздались голоса – охранника, ассистентки и кого-то ещё... Самородов напрягся, прислушиваясь. Тут в кабинет вошла ассистентка Леночка и сообщила:

– Сергей Борисович, какая-то женщина просит аудиенции... Вы примете?

– Пусть проходит, – слегка растерянно ответил Самородов.

«Кто бы это мог быть?» – подумал он, включая подсветку.

Через несколько мгновений в кабинет вошла молодая женщина. Её грациозность была естественной и какой-то пленительно-облагораживающей. Во всём была гармония, – высокий открытый лоб, правильные черты лица, русые волосы, изящная фигура в облачении светлого платья, открытость во всём и в то же время – тайна... Но главное было в её глазах. В них светилась некая глубинная сила, магически наполнявшая всё любовью, они сияли и грели. От этого взгляда хотелось петь...

Сергей Самородов застыл на месте. Он смотрел на неотразимую загадочную гостью, не зная, что говорить. Внутри у него всё встрепенулось...

Она заговорила первая:

– Здравствуйте, Сергей. Меня зовут Александра...

– Здравствуйте, – растерянно вымолвил Сергей, ничуть не удивившись простому обращению по имени.

– Вы не волнуйтесь, я ненадолго, – продолжила Александра.

– Да, да, – присаживайтесь, – спохватился Сергей, предлагая ей кресло.

Гостья мягко опустилась в кресло; Сергей сел напротив – на стул.

– Я Вас слушаю... – Сергей смотрел ей в глаза.

Александра озарила его глубиной взгляда и мягко произнесла:

– Я хочу Вам сказать, вернее – предупредить: за Вами следят... Будьте внимательней и осторожней.

«Ну вот, только сумасшедших не хватало», – пронеслось в голове Сергея.

– Не бойтесь, я – не сумасшедшая, – спокойно сказала гостья. Похоже, она читала его мысли.

На какие-то мгновения в голове у Сергея всё перемешалось, но затем он вдруг ясно осознал, что перед ним сидит человек не совсем обычный, не похожий ни на кого, с сильным центром ясновидения. Эта чарующая женщина, обладающая Божьим даром, и, видимо, не одним, непостижимо умиротворяла Сергея и вместе с тем призывала его дух к осознанию чего-то жизненно важного, необходимого и спасительного... Она дождалась, когда Сергей придёт в состояние гармонии и мягко, доверительно продолжила:

– Вы хотите знать, кого я имею в виду... Понимаете, существует очень много форм жизни, но только человеку дарован Богом дар творчества, и исходит он от Любви. Любовь творит всё живое... Постарайтесь это держать в сознании и хранить, как хранил Христос милость в сердце Своём...

– Но простите, откуда Вы знаете... впрочем...

Сергей замаялся в растерянности, желая подобрать наиболее точные слова.

– К сожалению, я пока не имею права пользоваться точной терминологией в определении того, что незримо исследует Вас, вычисляя все шансы и миг для захвата, поскольку слово имеет действительность и необратимость. Просто будьте внимательней...

Она встала и добавила:

– Вы очень талантливый человек, Сергей, и я хочу, чтобы Вы были счастливы.

– Спасибо. Я постараюсь учесть ваши пожелания. Всего Вам наилучшего, – взволнованно ответил Сергей.

Загадочная гостья прошла к выходу и задержалась, открыто взглянув на Самородова. Сергей раскрыл было рот, желая что-то добавить, но его опередила эта пленительная провидица:

– Я думаю, что мы ещё с Вами увидимся... До свидания. Храни Вас Бог.

Она ушла. Ошеломлённый целитель прикрыл дверь и сел в своё кресло. Голова шла кругом, мысли путались. Его охватили одновременно чувства необъяснимого восторга, странной тревоги и ещё чего-то обжигающе радостного и головокружительного, ускоряющего сердцебиение и зовущего летать...

– Да-а... Вот это встреча... – тихо выдохнул потрясённый Сергей. – Что бы это всё могло значить?... Однако... Надо всё обмозговать...

Он стал размышлять...

В это время в кабинет вошла ассистентка; она вежливо спросила:

– Сергей Борисович, Вы едете домой?

– Леночка, я, пожалуй, ещё останусь на полчаса, – надо кое-что проштудировать. Ты езжай. Охрану можно снять. Я закроюсь.

– Хорошо, – ответила девушка.

Самородов прошёл вместе с ней к выходу, отпустил охранника, попрощался и вернулся в свой кабинет. Он осмотрелся, проверил замок входной двери, закрыл её и прошёл к своему рабочему столу.

«Как душно... Предгрозье какое-то», – подумал он, глядя на работающий кондиционер. Затем погрузился в кресло и задумался...

«Ну надо же... Мир полон тайн... Да, не так-то всё просто... Но какая женщина! Александра... Да, она прекрасна... и совершенна...»

Светлые грёзы постепенно погрузили Сергея в дремоту...

...Самадхи брёл по иссушенным жарким пескам вдоль диких кустарников... Время от времени он останавливался, оправляя прилипшую к взмокшему телу одежду, и прикладывался к своему глиняному сосуду с драгоценной водой. Вода иссякала. А до Анджакара оставалось ещё не менее десяти миль... Вот уже третьи сутки жажда духа гнала его туда, где била тайным ключом Истина, и хранителем этой неиссякаемой живой Мудрости и Любви был он, Оджас, – твердыня и душа Анджакара...

Почти половину пути – до песков Самадхи преодолел в повозке на яках, но дальше пошёл пешком, оставив яков на попечение своему верному другу, – ревнителю пастбищ Рушану. Самадхи был молод и дерзок, он с радостью принял свой путь. И вот, третьи сутки его гнала жажда, – она стала двоякой, ибо солнце палило нещадно, и Самадхи умолял Индру пролить на эту забытую всеми пустынную сушь спасительный ливень, разразившись веселящей грозой... Но небо отрешённо молчало, раскаляя это роковое безмолвие великим и грозным светилом...

Изнурённый зноем и жаждой, Самадхи остановился. Он достал из холщовой сумы свой ненаглядный сосуд с остатками живительной влаги и допил последние капли; затем погрузил опорожнённый сосуд обратно в суму и осмотрелся... Его мотануло в сторону, – силы были на исходе. Волосы вздыбились, губы одеревенели, и жар дыханья раздувал пекло отчаянья. Самадхи тряхнул головой; он весь распахнулся и упал на колени... Запрокинув голову, он

стал молиться. Его молитва переходила с шёпота на охрипший крик и оседала в тихий плач. Бог не слышал его, а быть может – испытывал... По пустынной равнине прокатился последний отчаянный возглас Самадхи:

– О, Всевышний! Помилуй меня!..

В ушах зазвенело, и мученик плюхнулся на землю. Он сидел на песке, тупо глядя куда-то вдаль – сквозь раскалённый воздух, не в силах больше ни о чём думать в своей безутешной прострации... Но нечто заставило его содрогнуться, наполнив ожившую душу неотвратимой смертельной тревогой и собрав всё сознание в единый живительный пульс, – прямо на него ползла внушительных размеров кобра... Самадхи замер, боясь шевельнуться, невольно постигая инерцию транс. Змея подползла к сидящему человеку, подняла голову и приняла стойку, раздув капюшон, – но не ради угрозы, ибо отшельник, отрешённо сидевший на песке, не излучал зла, а просто показывая, что она – всё-таки кобра. Она качнула головой, как бы изучая Самадхи... И в этой немислимой мудрости он вдруг почувствовал внутри себя необъяснимое успокоение и блаженство, его душа беззвучно заплакала в шемещем порыве невинным капризом ребёнка, и в этой развязке Самадхи вдруг ясно ощутил в себе Бога... Его светоносная сила утоляла и нежила изнутри всё существо до каждого нерва... Кобра спокойно осела и, проложив мягкий след возле путника, уползла за кустарник... Некоторое время Самадхи ещё оставался неподвижен – он был весь во власти Всевышнего... Он даже не заметил, как с северо-востока ветер пригнал грозовые тучи... И тут хлынул ливень. Вспышки молний рассекали тяжелое серое марево, озаряя свободу и сердце. Самадхи ликовал, – гроза бушевала!.. Он достал свой сосуд и подставил его животворному шквалу. Наполнив сосуд небесной водой, он закрыл его и убрал. Затем упал на колени, запрокинул голову и, раскинув руки в застывшем полёте, стал голосить... Он возносил хвалу Всевышнему... Он ловил спасительные потоки всем своим существом, принимая в себя волю Индры и великую силу Брахмы... Ветер сносил грозу в сторону – к югу.

Дождь поутих и шумел, не хлеща, на прощанье отпаивая истосковавшуюся пустошь. В этом умиротворяющем упоении вдруг зазвучали какие-то странные сигналы, это были звуки непонятного происхождения, и звучали они навязчиво...

...Странные звуки усилились, они напоминали какую-то сигнализацию, схожую с пикажем электронных приборов, и это вносило тревогу в распахнутый мир... Сергей Самородов резко вскинул голову, очнувшись от дрёмы, и лихорадочно осмотрелся... Звуки исчезли.

«Что это? Слуховая галлюцинация? Или что-то ещё?» – подумал целитель. И вдруг он чётко вспомнил всё, что только что видел в своей полудрёме. Всё в нём всколыхнулось. Он вдруг ясно осознал, что Самадхи, шедший по пескам, – это он сам, Сергей, но только в другой интерпретации, точнее – в другом воплощении...

– Что это? Прошлая жизнь? Моё предыдущее воплощение?.. – лихорадочно соображал Сергей. – Если это так, то нужно постараться быть внимательней, значит, работает новый ключ...

Его окатила волна восторга.

За окном бушевала гроза, ливень бил по стёклам, внося перемену в разбуженный мир. Сергей посмотрел на часы, – было девять вечера.

– Однако... Пора домой, – сказал он сам себе.

Он проверил, всё ли в порядке, окинул взглядом салон... Салон действительно радовал. Всё – в светлых тонах, экзотические аксессуары, – от магических кристаллов и диковинных камней разных цветов и форм под небольшими прозрачными пирамидами – до огромных морских раковин и бамбукообразных раструбов с нависшими над ними разнотональными колокольчиками, уникальная таинственная подсветка по периметру сверху, семью лучами бьющая в центр, кроме того – внизу два софита, дающие светлый поток, и бра на мистический лад,

японский музыкальный центр с акустической стереосистемой, минимум мебели, всё – в гармонии, большие иконы – по одной в каждом углу: Дева Мария, Спаситель, Николай Чудотворец, Серафим Саровский. Одним словом, человек, входя в этот салон, плавно погружался в мистически умиротворяющее пространство, побуждающее дух к озарению. И Самородов включал весь свой потенциал трансгенератора, давая человеку возможность увидеть всё самое необходимое в необыкновенной, живой метафоре транс...

Сергей подошёл к окну и приоткрыл штору, глядя в заплывшие стёкла за декоративной решёткой. Дождь лил ровнее и тише, но в небесах ещё грохотало... Сергей отключил все приборы, вырубил освещение и вышел из кабинета. Он закрыл дверь, тщательно проверил замок; затем проверил все остальные двери офиса и вышел на улицу...

Свежий воздух, напоённый грозью, ударил в лицо, наполнив душу восторгом и негой. Он вдохнул полной грудью благоуханной свободы, ощутив силу жизни. Хмель озона, дождя и ожившей листвы веселил и гасил все проблемы. В этом шумном трепете всё дышало и пело, и потоки прохлады вздымали все чувства... Сергей закрыл офис и прошёл к машине, стоявшей неподалёку – с торца здания. Он сел в свой «Опель», включил зажигание, настроил волну на приёмнике и под любимую музыку плавно вырулил на большую дорогу. Москва дышала грозой. Дождь затихал...

Сергей не спеша вёл машину по омытым ожившим улицам, плавно и весело рассекая внезапные послегрозовые разливы. Он ехал домой. В небесах прояснялось, и закатное зарево зеркально дробилось в окнах домов золотисто-огненным бисером...

Тем временем в квартире Сергея Самородова сидела за компьютером его супруга – Жанна. Утомлённая долгим ожиданием мужа, она решила немного отвлечься за компьютерной игрой. Игра была проста, как репа: нужно было увести компьютерного героя от агрессивных преследователей, минуя при этом кучу препятствий и цепь лабиринтов. Но, то ли усталость томила голову, то ли сомнительные мысли раздували её болезненное воображение, дразня и куражась, только, благополучно закончить игру ей никак не удавалось. Компьютерный герой то врезался в непрошибаемую стену, то попадал под шквал атакующих, то зависал по-над бездною. А после очередной попытки он и вовсе исчез...

«Куда это он запропал?» – подумала Жанна, исследуя «мышью» игровое компьютерное пространство. Она перезагрузила игру, но компьютерный игрок не появился... Наверное, он устал быть объектом насилия.

– Заклинило, что ли? – с досадой произнесла Жанна. – Надо передохнуть. И она выключила игру.

В это время вернулся её супруг – Сергей Самородов. Он спокойно разулся и прошёл в комнату.

– Почему ты так долго? – спросила Жанна, стараясь не выдавать своей нервозности.

– Работы много было. А потом – гроза, – с мягкой иронией ответил супруг.

– Понятно. А если гроза – до утра? – не удержалась жена от сарказма.

– Тогда и грёзы – как розы, – весело ответил супруг и непринуждённо уселся в мягкое домашнее кресло.

– Да. Ты – как всегда неотразим, – спокойно констатировала Жанна.

– Понимаешь, вся беда в том, что нашим миром правят эмоции, – философски заметил Сергей.

– Что ж в этом плохого? – искренне удивилась Жанна.

– А то, что эмоции иногда бывают неуправляемы...

– Вот как?... – растерялась она и, подумав, добавила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.